

Г. Н. Абреимова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ДНЕВНИКАХ М. М. ПРИШВИНА

Аннотация. Стиль любого писателя своеобразен и индивидуален в использовании средств языковой выразительности. В статье рассматриваются особенности употребления некоторых окказиональных фразеологических единиц, выделенных методом сплошной выборки из произведений и дневников М. М. Пришвина. Проводится анализ структуры и семантики использованных писателем фразеологических оборотов с целью определения индивидуально-авторских черт.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, фразеологизм, пословица, преобразование, структурно-семантическая трансформация, контаминация.

Большое внимание учеными-филологами в последние десятилетия уделяется различным элементам индивидуального авторского стиля: роли и функционированию фразеологических оборотов в прозаических и поэтических текстах писателей. Степень владения языковым материалом определяет творческую индивидуальность любого писателя. С помощью устойчивых оборотов в произведениях раскрываются образно-экспрессивные возможности фразеологии. Под идиостилем мы будем понимать «совокупность языковых и стилистикотекстовых особенностей, свойственных речи писателя» [1, с. 89].

Цель данной статьи – исследование особенностей употребления некоторых фразеологических единиц (далее ФЕ) и выражений, построенных по моделям пословиц и поговорок, в произведениях и дневниковых записях М. М. Пришвина.

На основании проведенного анализа фразеологических оборотов, выявленных в художественном пространстве текстов М. Пришвина, мы выделили только самые яркие приемы структурно-семантических преобразований ФЕ.

Анализ фразеологического фонда писателя показал, что введение ФЕ в речевое пространство текста у М. М. Пришвина осуществляется двумя путями – прямым (дословной передачей лексического состава фразеологизма с сохранением его узуального значения) и косвенным (структурно-семантической трансформации фразеологизма).

В данной статье, опираясь на классификацию А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [2], мы описали только наиболее интересные типы трансформаций фразеологизмов, проанализировали приемы контаминации, замены, языкового обыгрывания значения ФЕ, переосмысления, ролевой инверсии, а также рассмотрели обороты, основанные на преобразовании категориального значения фразеологизма и образованные по моделям узуальных единиц.

Оригинальным стилистическим приемом авторской обработки фразеологических единиц является контаминация – неожиданное объединение нескольких фразеологизмов или наложения одной ФЕ на другую.

М. Пришвин использует фразеологизм *продавший первенство за чечевичную похлебку*, который образовался из структурных компонентов двух фразеологических единиц пальма первенства и продавать за чечевичную похлебку: «...*Писарев, продавший первенство за чечевичную похлебку...*» [3, с. 312].

Наложение фразеологизмов *утопающий хватается за соломинку* ('находящийся в трудном, безвыходном положении стремится использовать для спасения даже явно бесполезное средство' [2, с. 679]) и *якорь спасения* ('последнее средство, последняя

надежда' [4, с. 770]) образует новое значение – 'находящийся в безвыходном положении использует даже самое незначительное средство для спасения': «*И людям подай Бог хоть соломинку спасенья, и то ухватятся*» [3, с. 321].

Наложение сходных по значению ФЕ *вбить / вбивать клин* – 'разобщать кого-л. с кем-л., настраивая их враждебно друг к другу' [4, с. 59] и *яблоко раздора* – 'то, что является причиной серьезных разногласий, спора, ссоры' [4, с. 766], осложненное заменой глагольного компонента *вбивать* на *вколачивать* (с разговорной окраской), образовало новую по структуре единицу *вколачивать клин раздора* с усиленной экспрессивной окраской: «*вколачивать клин раздора между Россией и союзниками*» [3, с. 394].

В дневниках встречаются также фразеологизированные конструкции, представляющие собой контаминацию фразеологизмов *от чистого сердца* и *от всего сердца*, *вкладывать душу* и *живая душа*, что усиливает семантику окказионального оборота: «...*от всего своего чистого сердца* пожелала» [3, с. 298]; «... *в эту минуту башенного часа* *вкладывается моя собственная живая душа*» [3, с. 422].

Во фразеологизме *хлебнуть горя* происходит изменение существительного *горе* на образное словосочетание *миска общего зла*, построенное на развернутой метафоре: «...*каждому еще предстоит хлебнуть из миски общего зла*» [3, с. 594].

В произведениях М. Пришвина встречается трансформированная поговорка, в которой замещению подвергается именной компонент *рак – колбаса*: «*в тысячи голосов объявят меня первым писателем, на безрыбье и рак – колбаса*» [3, с. 28].

Изменение компонентов структуры фразеологизма *смотреть сквозь розовые очки* – 'не замечать недостатков в чем-либо' [4, с. 635] образует новое значение 'судить со своей точки зрения': «*А символист всю великую действительность видит сквозь очки своих домыслов*» [3, с. 168].

Во фразеологическом обороте *каши не сварить* со значением 'невозможно договориться или сделать какое-либо дело с кем-либо' [4, с. 596] в следующем предложении происходит замена существительного: «...*со старыми формами новой лучшей жизни не сварить*» [3, с. 563]. В представленном контексте ФЕ приобретает новое значение – 'руководствуясь старыми устоями, бесполезно строить будущую достойную, благополучную жизнь'.

Выражение *в чужом глазу сучок видим, а в своем (и) бревна не замечаем*, имеющее значение 'у других подмечаем даже мелкие недостатки, а у себя не видим и значительные, большие' [2, с. 151], писатель намеренно вводит в трансформированном виде: «*указывая на "бревна" в глазах других, не хочу замечать сучка в своем. А ведь сучок в глазу талантливого значит гораздо больше, чем бревно у бездарного*» [3, с. 33]. М. Пришвин, говоря о своем писательском труде, превращает поговорку в авторский афоризм с противоположным значением 'незначительный недостаток у талантливого человека является более серьезным пороком, чем существенный у бездарного'.

Для достижения оригинального эффекта М. Пришвин соединяет глагольный фразеологизм с нетипичными элементами окружающего контекста (*весь вышел в люди* – *частью вышел в люди* – *частью остаться в себе*): «...*я не вышел весь в люди, а только частью вышел и значительной частью остался в себе*» [3, с. 674].

Еще одной причиной фразеологических преобразований может стать намеренное языковое обыгрывание значения и структурной формы фраземы в ее связи с окружающим контекстом, что приводит к каламбурному эффекту: «*Люди с толку сбиты, постоянно стремятся возвратиться к этому же толку, и оттуда опять их шишбают...*» [3, с. 7]. Одновременное употребление в контексте синонимов *сбить* и *шибать* придает фразеологическому обороту парадоксальное значение.

Переосмыслению подвергаются фразеологические единицы *держаться на волоске* и *держаться на ниточке* в контексте: «*Погода держится на волоске*» [3, с. 295]; «*Но вот война, рискованный бой, когда человек в этой борьбе так изменится, что все*

счастье людей только **на этой ниточке держится...**» [3, с. 504]. ФЕ *держаться на волоске (на ниточке)* с узуальным значением ‘оказываться в крайне опасном положении’ [4, с. 197] в первом предложении приобретает новое значение – ‘измениться в любой момент’, а во втором – ‘в тяжелой ситуации осознавать, что счастье людей может исчезнуть в любой момент’. Переосмысление устойчивых оборотов основано на возникновении новых отношений с окружающими компонентами контекста и не изменяет состава языкового фразеологизма.

Интересной, с нашей точки зрения, является пословица *где кто родился, там и пригодился*, имеющая значение ‘лучше всего жить и трудиться в родных местах’ [5, с. 234], которая в дневниках М. Пришвина представлена в трансформированном виде с новым значением ‘то место, в котором родился человек, является избранным Богом’: *«неважно, что я гражданин России, важно, где моя колыбель, Иерусалим мой: где кто родился, там Иерусалим»* [3, с. 168].

Узуальную пословицу *что написано пером, того не вырубишь топором* со значением ‘если написанное стало известно, вошло в силу, его уже не изменишь, не исправишь’ [5, с. 359] М. Пришвин подвергает ролевой инверсии, что приводит к изменению ее значения ‘очень трудно иногда выразить всю красоту окружающего мира только с помощью слов’: *«что вырублено топором, того не напишешь пером»* [3, с. 816].

В анализируемых текстах М. Пришвина встречается достаточное количество индивидуально-авторских ФЕ, основанных на преобразовании категориального значения устойчивых оборотов за счет перехода глагольного компонента фразеологизма в отглагольное существительное: *«Суждения есть танец от печки...»* [3, с. 267] (сравн. *танцевать от печки*); *«для культуры очерка не надо сложных рассуждений, приводящих к переливанию из пустого в порожнее»* [3, с. 755] (сравн. *переливать из пустого в порожнее*); *«писательство не есть лов рыбы в мутной воде...»* [3, с. 352] (сравн. *ловить рыбу в мутной воде*); *«Единственным средством моего [оправдания] является выход в свет создаваемой картины»* [3, с. 64] (сравн. *выходить в свет*); *«Лева понимает мое все по мерке на свой аршин»* [3, с. 72] (сравн. *мерить на свой аршин*); *«кнул мужчины выразится в особой нежности вплоть до бытия под башмаком»* [3, с. 253] (сравн. *быть под башмаком*); *«любовь как выход одинокого в люди»* [3, с. 588] (сравн. *выходить в люди*); *«...получается в голове зарубка»* [3, с. 308] (сравн. *зарубить в голову*); *«...встреча со мной для него – это отвод души...»* [3, с. 217] (сравн. *отводить душу*). Специфической модификацией здесь является превращение глагольного компонента в грамматически стержневой субстантив. В научной литературе нет четкого представления о статусе фразеологических трансформаций, образованных путем замены глагольного компонента отглагольными существительными. И. Ю. Третьякова в своей работе указывает на неоднозначность мнения фразеологов об отглагольных существительных в таких трансформациях, где, с одной стороны, они сохраняют сему ‘процессуальность’, а с другой стороны, ‘приобретают иную категориальность» [6, с. 115]. Замена глагольного компонента субстантивным в трудах Е. А. Иванниковой [7, с. 26], Л. Н. Колесниковой, Р. Н. Попова [8, с. 9] и др. относится к деривационным процессам. А. В. Жуков говорит о том, что такие преобразования «принадлежат к разным лексико-грамматическим классам» [9, с. 18]. Мы придерживаемся точки зрения лингвистов о преобразовании категориально-понятийного плана фразеологизма, в котором доминирует значение ‘предметность’. Такая трансформация фразеологической единицы нами определяется как окказиональная.

М. Пришвин использует окказиональные фразеологизмы, образованные по моделям узуальных единиц. Так, на базе образа устойчивого сочетания *яблоко от яблоньки недалеко падает* построены следующие фразеологизмы: *«возможны государственные парки, однако они не могут заменить яблоко от своей яблонки»* [3, с. 321]; *«два яблочка от яблонки далеко не раскотятся»* [3, с. 139].

Фразеологизмы *камень на душе лежит* и *словно камень с сердца свалился*, образованные по языковым моделям, также в дневниках писателя представлены в окказиональном виде. Напр.: «*размышляет мои собственные камни в моей душе ...*» [3, с. 123] (сравн. *камень на душе лежит*); «*будто камень отвалился от сердца*» [3, с. 108]; «*пытаюсь снять вечный камень с сердца*» [3, с. 345] (сравн. *словно камень с сердца свалился*).

М. Пришвин использует яркие сравнительные обороты, где сравнение возникает на основе образа языковой фразеологической единицы: « – *Мы вас мобилизуем. – Не пойду. – Пришлем милиционера: вас нужно **выжать, как лимон.** – Не выжмете: я сухой лимон*» [3, с. 115] (сравн. *выжатый лимон*).

Таким образом, выразительные возможности фразеологизмов помогают писателю проявить свои творческие способности и расширить границы авторской мысли. Обогащение его словаря происходит за счет притока окказиональных фразеологизированных конструкций. Результаты проведенного анализа дают основания полагать, что фразеологические обороты в текстах М. М. Пришвина обладают большим преобразовательным потенциалом, структурно-семантические трансформации могут либо изменять семантику ФЕ, либо создавать индивидуально-авторские варианты фразеологизмов. Обыгрывание фразеологических оборотов с помощью контаминации и образных сравнений, созданных на базе узуальных ФЕ, является важным средством, репрезентирующим личность писателя, индивидуальные особенности его речи.

Список использованных источников

1. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 694 с.
2. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари : Астрель, 2005. – 863 с.
3. Электронная библиотека М. М. Пришвина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mememix.net/meme/krasc>. – Дата доступа : 30.08.2022.
4. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астраль : АСТ, 2008. – 881 с.
5. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [около 1200 пословиц и поговорок] / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2000. – 7-е изд., стереотип. – 544 с.
6. Третьякова, И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. Ю. Третьякова; Ярославский гос. ун-т. – Ярославль, 2011. – 379 с.
7. Иванникова, Е. А. Об отдельности и тождестве фразеологизмов в случаях структурной вариантности / Е. А. Иванникова // Проблема устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвуз. симпозиума. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1972. – С. 120–128.
8. Колесникова, Л. Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц / Л. Н. Колесникова, Р. Н. Попов // Проблемы фразеологии : Республ. сб. науч. статей. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1980. – С. 3–13.
9. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.

Abstract. The style of any writer is peculiar and individual in the use of means of linguistic expression. The article deals with the peculiarities of the use of some occasional phraseological units, selected by the method of continuous sampling from the works and diaries of M. Prishvin. The analysis of the structure and semantics of the phraseological expressions used by the writer in order to determine the individual-authorship features is carried out.

Keywords: M. Prishvin, phraseology, proverb, transformation, structural-semantic transformation, contamination.